

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

BRITISH MUSEUM

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

НА

МАЛОРОССІЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ VI.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетер-
бурга 25 дня Марта 1840 года.

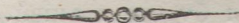
Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

Зевесъ моргнувъ якъ криль усамы,
Олимпъ мовъ лыстыкъ затрусывсь;
Мыгнула блыскавка съ громамы,
Олимпскій потрухъ взворушивсь.
Богы, богыни и пивбогы,
Простоволоси, босоноги,
Бижать въ Олимпську Карвасарь (*).
Юпытеръ гнивомъ розпаленный,
Влетигъ до ныхъ мовъ навиженный
И крыкнувъ, якъ на гончыхъ псарь:

(*) Карвасарь, Словесный Судъ на ярмаркахъ, бывшихъ прежде въ Малороссійскихъ городахъ.

«Чи довго будете казытысь,
«И стыдъ Олимпови робыть?
«Що день проміжъ себе сварытысь,
«И смертныхъ съ смертнымы травить?
«Поступкы ваши вси не божи;
«Вы на сутяжникивъ похожи
«И рады мордовать людей;
«Я васъ изъ неба посныхаю
«И до того васъ укараю,
«Що пасты будете свynieй.

«А вамъ, Олимпськи зубоскалки,
«Моргухы, дзыгы, фыгляркы,
«Березови дамъ прышаркы,
«Що довго буде вамъ въ тямкы.
«Охъ вы на смертныхъ дуже ласи!
«Якъ Грекъ на Ниженьскы ковбасы,
«Все лыхо на земли одъ васъ.
«Чрезъ ваши зводни, женихання,
«Не маю я ушановання;
«Я намочу васъ въ шевській квась.

«Або отдамъ васъ на роботу,
«Запру въ смырытельныхъ домахъ,
«Тамъ выженуть изъ васъ охоту
«Содомить на земли въ людяхъ.
«Або я лучшу кару знаю,
«Ось-якъ богынь я укараю:
«Пошлю васъ въ Запорожську Сичъ;
«Тамъ вашихъ каверзъ не вважають,
«Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють,
«Въ день пьяни сплять, а крадуть въ ничь.

«Не вы народъ мій сотворымы,
«Не хысть создать вамъ червьяка;
«На щожъ людей вы роздрочылы?
«Вамъ нужда до чужыхъ яка?
«Божусь моею бороною
«И Гебеною пеленою,
«Що тыхъ богивъ льшу чынивь,
«Яки теперь въ вйну влетутся;
«Нехай Эней и Турнь скубутся,
«А вы глядите своихъ чубивъ.»

Венера молодыця смилла,
Бо все зъ военнымы жыла,
И быте зъ нымы м'ясо йила;
И по трахтырахъ пунишь ныла;
Частенько на соломи спала,
Въ шенели сирій щеголяла,
Походомъ на визку тряслась;
Маньшкы офыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

Венера по драгунськы — смилла
Къ Зевесу въ вытяжку иде,
Начавшы говорыты дило,
Очей зъ Зевеса не зведе:
«О тату сыльный, вельчавый!
«Ты всякый помысль зрышь лукавый,
«Тебе ни хто не проведе;
«Ты окомъ землю назыраешъ,
«Другымъ за нами прыглядаешъ,
«Ты знаешъ, що, и якъ, и де.

«Ты знаєшь для чого Троянцївъ
«Злымъ Грекамъ попустывъ побыть;
«Энея съ прыгорщею ланцивъ
«Веливъ судьбамъ не потопыть;
«Ты знаєшь лучше всихъ прычину,
«Чого Эней прышлывъ къ Латыну
«И били Тыбра посельвсь?
«Тыжъ словомъ що опредїляєшь,
«Того во вѣкъ не одминаєшь;
«Видкиль же Турнъ тутъ прытулывсь?

«И що такєе Турнъ за свято,
«Що не вважає и тебе?
«Фрыгїйське племѣя не проклято,
«Що всякій еретькъ скубе;
«Твои законы бѣ исполнялысь,
«Колыбѣ Олымпськи не мищалысь
«И не стравлялы бы людей.
«Твоихъ прыказивъ не вважають,
«Нарошно Турну помагають;
«Бо, бачъ, Венерынъ сынъ Эней.

«Троянщизнь бидныхъ и Энея
«Хто не хотивъ, той не пужавъ;
«Терпили гирише Прометея,
«На люльку що огню укравъ.
«Нептунъ зъ Эломъ зъ перепросу
«Дали такого перечосу,
«Що й дѣси зашпоры щымлять.
«Другіежъ богы що казаты?
«Дила ихъ лучше мусишь знаты,
«Энея тилько не зыйдаты.

«О Зевсъ! о батечку мій ридный!
«Огляньсь на плачь дочкы своей;
«Спасы народъ Фрыгійскій бидный,
«Винъ дило есть руки твоей.
«Якъ маешь ты кого караты,
«Карай мене—карай! я маты,
«Я все стерплю рады дитей! —
«Услышь Венеру многогришну!
«Скажи мни ричъ твою утишну:
«Щобъ живъ Іуль, щобъ живъ Эней!» —

«Мовчать! прескверна панцыкухо!

Юнона злобна пороцыть:

«Финдюрко, яцирько, брехухо!

«Якъ дамъ! — очинокъ излетыть;

«Ты смієшь кошєня мерзєне,

«Зєвесу доносыть на мене,

«Щобъ тымъ насъ прывєсты вь розладъ:

«За кого ты мене прыймаєшь?

«Хибажъ ты сучыще не знаєшь,

«Що Зєвсь мій чоловикъ и братъ?

«Тобижъ Зєвєсь, скажы, не стыдно,

«Що предъ тобою дрянъ и прахъ,

«Базика о' богахъ обыдно,

«Мудрує о твоихъ дїлахъ;

«Якый ты свѣта повельитель?

«И нашъ Олимпскый предводитель,

«Колы протывъ Финдюркы пасъ?...

«Всєсвѣтня волоцюга, мерзъка,

«Никчемна зводныця Цытерьська,

«Для тебе лучшая одъ насъ.

«А зъ Марсомъ чи давно піймавішы,
«Вулканъ йій пелену видтявъ;
«Ризкамы добре одидравшы,
«Якъ сучку въ ретязку державъ.
«Но ты того буцимъ не знаешъ,
«Якъ честную ти прыймаешъ
«И все робыть для неи радъ.
«Вона и Трою розорыла,
«Вона Дидону погубыла;
«Но все иде для неи въ ладъ.

«Де ся підтипанка вмишалась,
«То вербья золоте росло;
«Землябъ счастливою назвалась,
«Колыбъ таке пропало зло!
«Чрезъ неи вся Латынь возстала
«И на Троянъ ти напала,
«И Турнъ зробивсь Энею врагъ.
«Не можна бидь всіхъ изличыты,
«Якыхъ успила наробыты
«На неби, на земли, въ водахъ.

«Теперь же на мене звертае,
«Сама наброившы биды;
«И такъ Зевеса умоляе,
«Мовъ тилько вылизла зъ воды.
«Невынычаешь мовъ Сусанна;
«Незаймана никомы панна,
«Що въ хутори сжыла весь вѣкъ.
«Не дѣждешъ съ бабкою своею —
«Я докажу твоему Энею....
«Богыня я! — винъ чоловікъ.»

Венера лайкы не стерпила,
Юнону стала кобенить;
И перепалка закипила,
Одна другу хотила быть.
Богыни въ гнѣви, также бабы
И такъ же на уторы слабы,
Зъ досады часомъ и брехнуть:
И якъ перекупкы горланять,
Одна другу безчестять, ганять
И ридъ весь съ потрухомъ кленуть.

«Та цытьте чортовы сорокы!
Юпытеръ гризно закрычавъ;
«Обомъ вамъ обибью я щокы;
«Щобъ васъ бублейныщъ врагъ побравъ!
«Не буду васъ карать громамы;
«По пятихъ выбью чубукамы,
«Олимпъ заставлю вымитать;
«Я васъ умію усмырыты,
«Заставлю честно въ свити жыты
«И заразь дамъ себе вамъ знать.

«Занышкнить, уха наставляйте
«И слухайте, що я скажу;
«Мовчить! роты пороззявляйте,
«Хто пїсне, — морду розмижжу.
«Промижъ Латынцївъ и Троянцївъ,
«И всякихъ Турновыхъ поганцївъ,
«Не сыкайся ни хто въ вїйну;
«Ни хто, ни якъ не помагайте,
«Князькивъ ихъ также не займайте,
«Побачымъ здасться хто кому.»

Замовкѣ Зевесѣ, моргнувъ бровами
И боги вростычѣ вси пишли,
И я прощаюсь съ небесами,
Пора спустытысь до земли
И стать на Шведськую могылу,
Щобѣ озырнуть военну сылу
И бытву вирно описать;
Купывѣ бы музи на охвоту,
Щобѣ кончыть помогла роботу,
Бо нигде рыфмѣ уже достать.

Турнѣ осушывъсь писля купання
И ганусною пидкрепывъсь,
Зѣ намету выйихавѣ зарання,
На крипость сентябрьомѣ дывывсь.
Трубыть въ рижокѣ!—опять тревога!
Крычатѣ, бижатѣ, спшишатѣ якѣ мога;
Велькая настала сичѣ!
Троянцы дуже славно былысь,
Рутульцы трохи пожывылысь,
Насылу розвела ихѣ ничѣ.

Въ сю ниць Эней уже зблыжався
До городка, що Турнъ облигъ;
Съ Паллантомъ въ човни частовався,
Поивъ всю старшину якъ мигъ.
Въ розказахъ чванывся диламы,
Якъ храбровавъ зъ людьмы, зъ богами,
Якъ безъ розбору всіхъ тузывъ.
Паллантъ и самъ бувъ зла брехачка,
Языкъ його тожъ не клесачка,
Въ брехни Энею не вступывъ.

А ну! старая царь дивыще,
Сидая музо схаменьсь!
Прокашляйсь безъ зубивъ сестрыще,
До мене близьче прыхылысь!
Кажы: якіе тамъ прасункы,
Въ Энеевы пишлы вербункы,
Щобъ протывъ Турна воювать.
Ты музо, кажуть вси, письменна,
Въ Полтавській школи наученна,
Всихъ мусишь поименно знать.

Чытайце жъ, муза що бормоче:
Що тамъ зъ Энеемъ плывъ Массыкъ,
Линтйй, ледащо неробоче,
А сымный и товстый мовъ быкъ.
Тамъ правывъ каюкомъ Тыгренко,
Изъ *Стеховскы* (*) то шынкаренко
И вивъ съ собою сто ярыгъ.
Блызъ сыхъ плылы дубы Аванта,
Винъ бувъ страшыйиий одъ сержанта;
Бо всихъ, за все, по спыни стрыгъ.

Поотдадь плывъ байдакъ Астура,
Сей лежнемъ въ выныцяхъ служывъ;
На нимъ була свыняча шкура,
Котору винъ якъ плацъ носывъ.
За нымъ Азымась плывъ на барци,
Се родычъ нашйй паламарци,
Недавно зъ кошелькомъ ходывъ;
Но, бачъ, безокая фортуна,
Зробыма паномъ изъ чупруна.
Такыхъ не мало бачымъ дывъ!

(*) Небольшое селеніе близъ Подтавы.

А то на легкому дубочку,
Що роззолочений весь въ прахъ,
Сыдыть росхриставшы сорочку,
Зъ Турецкымъ чубукомъ въ зубахъ?
То Цынарысь, цехмыстръ картьожный,
Фыгляръ, обманцыкъ, плуть безбожный,
Зъ собой всихъ шахраивъ веде;
Колы, бачъ, Турна не здолють,
То картамы уже подіють,
Що мижъ старці Турнь попаде.

А то сыдыть въ брыли, въ керей,
Съ товстою книжкою въ рукахъ,
И всимъ, бачъ, гонить ахыней,
И спорить о своихъ правахъ?
То, родомъ зъ Глухова, юриста,
Винъ мае чынъ Канцеляриста
И есть добродій Купавонъ.
Щобъ Значкового дослужиться
И на війни чымъ поживыться,
Вступывъ въ Энеивъ легіонъ.

А то беззубый, говорливый,
Сухой, неvirный, якъ шкелеть,
И лысый и брехунъ сварливый?
То выхрысть изъ жидивъ Авлетъ.
Недавно на другій женывся,
Та, бачъ, въ рахунку помельвся,
Изъ жару въ поломья попавъ;
Щобъ одъ ягы якъ одвязатысь,
То мусивъ въ вйсько запысатысь
И за шпыгона на годъ ставъ.

Ище тамъ есть до пивдесятка,
Но дрибязокъ и тольтипа;
Въ такихъ не буде недостатка,
Хоть въ день ихъ згыне и копа. —
А скилько жъ всихъ? — того не знаю,
Хоть муза я, — не одгадаю,
По пальцямъ тожъ не розличу;
Бигъ-ме! на щотахъ не учылась,
Надъ карбижемъ тожъ не трудылась,
Я, що було, те лепечу.

Уже Волосожарь пиднявся,
Визь на неби въ низь повертався,
И де-хто спаты укладався,
А хто пидь бурной вытягавсь.
Онучи ынчи полоскалы,
Други лежя розмовлялы,
А хто прудывся у кабыць.
Старшій пидпывшы розійшлыся
И дома за люльки взялыся,
Лежалы бокомъ, навзничъ, ныць.

Эней одынъ не роздягався,
Эней одынъ за всіхъ не спавъ;
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрався,
(Бо самъ за всіхъ и одвичавъ.)
Якъ Турна ворога побыты,
Царя Латына ускромьты
И успокоиты народъ.
Въ сій думци смутно похожая
И мыслью богъ зна де литая,
Пидь носомъ бачыть короводъ.

Ни рыбы то булы, ни раки,
А такъ, якъ бы кружокъ дивчатъ;
И бовталыся якъ собаки,
И въ голосъ якъ кишки нявчатъ.
Эней здрыгнувсь и одступае
И да воскреснетъ въ слухъ чытае,
Но сымъ ни трохи не помигъ;
Ти чуда зъ смихомъ, зъ реготнею,
Вхватывысь за помы зъ матнею,
Эней ажъ на помистъ прылигъ.

Тогди одна къ йому сплыгнула
Такъ, мовъ цвиркунъ, або блоха,
До уха самого прыльнула,
Мовъ гадына яка лыха.
«Чи не пизнаешъ насъ Энею?
«Та мы жъ съ персоною твоею,
«Трояньскій весь возымы родъ;
«Мы Идськои горы дубына,
«Лыкы, горишына, соснына,
«Зъ якыхъ буеъ зроблений твій флотъ.

«До насъ було Туркъ докосывся
«И байдакы вси попалывъ;
«Та Зевсъ, спасы-би, поспишывся,
«Якъ бачъ, *мавки* поробывъ;
«Була безъ тебе зла година,
«Трохы, трохы твоя дытына
«Не отдала души богамъ,
«Спишы свй городокъ спасаты;
«Ты мусишь ворогамъ тьху дати,
«Ты самъ; — повирь моимъ словамъ.»

Сказавшы за нисъ ущипнула;
Эней мовъ трохы ободрывъ;
И на другихъ хвостомъ махнула,
Ввесь флотъ ниначе поспишывъ;
Мавкы бо стали човны пхаты,
Путемъ найлучшымъ направляты.
И тилько начинався свить,
Эней уздривъ свй станъ въ осади;
Крычыть во гниви и досади,
Що Турна лусне тутъ жывить.

А самъ матню прибравшы въ жменю,
По поясъ въ воду съ човна плыгъ;
И клыче въ помичъ гарну неню
И всихъ Олимпивськихъ богивъ.
За нымъ Паллантъ, за сымъ вся сволючъ
Стрыбъ, стрыбъ съ човнивъ, Энею въ помочь
И тисно строятся на бой.
«Ну разомъ! закрычавъ, напримо!
«И недовиркивъ сокрушимо,
«Рушайте, якъ одынъ, шульгой.»

Троянцы зъ города уздрившы,
Що князь на помичъ къ нымъ иде,
Вси кынулысь, мовъ одурившы,
Земля одъ топотни гуде.
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ Рутульцивъ убывають;
Самъ Турнь стоитъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ;
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ вйськомъ уздривае
И решете до своихъ:

«Рыбьята! бийтесь, не выляйте,
«Наставъ теперь-то сичи часъ!
«Домы, жинокъ, батькивъ спасайте,
«Спасайте, любо що для васъ!
«Ступня не отдавайте даромъ,
«Ихъ косты за гребемъ тутъ раломъ,
«Або—но мы храбриши ихъ!
«Олимпьски насъ не одступымысь,
«Впередъ! Троянцы щось смутылысь,
«Не жалуйте бокивъ чужыхъ.»

Прымитяжъ Турнъ гармидеръ въ флота,
Туда всю силу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти
И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одборныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычыть, рубаетъ, вередуе,
Не бьется, бачъ, а мовъ жартуе,
Бо бувъ вертявий и сьмачъ.

Эней пройдысвить и не промахъ,
Въ вѣйни и взрись и постаривъ;
Прывидця бувъ во всихъ содомахъ,
Ведмедивъ бачивъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу;
Энеюжь дуръ не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И на Рутульцивъ наступае,
Пощунать роберъ и бокивъ.

Фарона першого погладывъ
По тымю гострымъ кладенцемъ
И добре такъ його уладывъ,
Що сей выльнувъ на верхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груди тыснувъ,
Сей повалывсь и билшъ не пыснувъ;
За нимъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ съ пашнею, повалывся,
И Фаръ на теежь нахопывся,
Росплющывъ и сього Эней.

Энсь туть добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошивъ;
Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щиро всихъ на смерть душивъ.
Палланть бувъ першій разъ на бытви,
Крычавъ жыдкы якъ на молитви,
Аркадянь къ бою шидтрунявъ.
По фрунту бигавъ, турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ огерь въ стади арувавъ.

Туть Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы,
Паллантови шиддаты тычка;
Но нашъ Аркадець ухылявся,
Рутулець съ жызнею простывся.
Въ Аркадцяхъ закъшила кровь!
Одни другихъ вышережають,
Врагивъ якъ хмызъ троцать, ламають;
Така шидданцивъ есть любовь.

Паллантъ Эвандровычъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ надъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля изъйивъ.
За сымъ такая жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара.
Ось Ретій въ бендюгахъ летыть!
Сього Паллантъ стягнувъ за ногу,
Ударывъ якъ пузырьъ объ дрогу,
Мазка изъ трупа капотыть.

Ось! ось! ярытся, бисомъ дыше!
Агамемноненко Талесъ.
И быстрымъ бигомъ все кольше,
Ниначе въ гниви самъ Зевесъ;
Вокругъ себе все побывае,
Фареть зъ нымъ збигшысь погыбае;
Души пустывся Демотокъ.
Ладона сплющывъ якъ блощыцю,
Крычыть:» Палланта ледащыцю
«Злыгаю я въ одынъ ковтокъ.»

Палланть любесенькій хлопчына
Скрипывсь, стоить якъ твердый дубъ
И жде яка то зла лычына,
Йому намъяты хоче чубъ.
Дождавсь, — и зо всього розгона
Влипивъ такого макогона,
Що панъ Талесъ шкереберть ставъ.
Палланть його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногами потоптавъ.

За сымъ Авента пхнувши зъ заду,
Поставивъ ракомъ на показъ;
И тутъ сьогожъ понюхавъ чаду
Одважный парубійка Клавзь.
Хто ни сусиль, тому кабаки
Дававъ Палланть, и вси бурмаки,
Зъ Аркадіи що зъ нымъ прыйшлы. —
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пыть, — а брагу,
И косы не траву найшлы.

Зробився Турнѣ, нашѣ бисноватымъ,
Реве якъ ранений кабанъ;
Гасà, фынтыть своимъ зыкратымъ;
Що ванъ протывъ його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчытся,
Зубамы скрыготыть, ярытся
И гамка йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневи къ шынн прылягае,
Хытрыть, якъ ловыть китъ шпака.

Паллантъ, мовъ одъ хорта лысыця,
Вильнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясныци,
Що Турнѣ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмыгъ не давши схаменутись,
Ни головою повернутись,
Стьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнѣ байдуже не скрывився,
Бо бачъ булатомъ весь обшывся
И бувъ якъ въ шкаралупи бобъ.

Такъ Турнъ Палланта підпустывшы,
Зо всихъ сыль келепомъ мазнувъ;
За русы кудри ухватывшы,
Безчувственна зъ коня стягнувъ;
Кровь зъ раны джереломъ лылася,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвалывсь;
Якъ травка скошенная въ поли
Увявъ Палмають, судебъ по воли;
Сердега въ свити не наживсь!

Турнъ злобно сыльною пъятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою,
Зъ бездушного для себе знявъ;
По тимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ панычемъ глумився
И такъ Аркадіямъ сказавъ:
«Аркадци! лыщаря возьмите!
«Въ ралець къ Эвандру однесите,
«Къ Энею що въ союзъ приставъ.»

Таку побачившы утрату
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялыся учынить одплату,
Хочабы трупомъ вси ляглы;
На щыть Палланта положиы,
Комлыцькой буркою прыкрылы,
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерты князя вси рыдалы,
Харцыза Турна проклялы. —
Та дежъ Трояньскій нашъ Султанъ?

Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармидеръ бачу я!
Хто землю такъ трясе сырую?
И сыма тамъ мутыть чія?
Якъ выхри на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Колы прорватися хотять;
Эней такъ въ лютимъ гниви рвется,
Отмстыть Палланта смерть несется,
Суставы вси на нимъ дрыжать.

До лясу! Турна розбышакы,
Вамъ билше расту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабаки,
Що будете за *Стыксомъ* чхать.
Эней совавсь якъ навиженный,
Крычавъ, скакавъ, мовъ вилъ скаженный,
И супротивныхъ потрошывъ:
Махне мечемъ, — врагивъ десятки
Лежать, повыставлявши пятки;
Такъ въ гниви сыльно ихъ локшывъ!

Въ запали налетивъ на Мага,
Якъ на мале курча шуликъ;
Пропавъ на викъ сей Магъ бидняга,
Порхне душа на другый бикъ;
Видючей смерты винъ боявся,
Эней у ногахъ валявся,
Просивъ живцемъ въ неволю взять:
Но сей копьемъ наскризь пробывшы,
И до земли врага прышывшы,
Другыхъ пустывся доганять.

Тутъ на бигу піймавъ за рясу
Попа, Рутульскаго полку,
Смертельнаго задавши прасу,
Якъ пса покынувъ на пську.
Погыбъ тутъ также храбрый Нума,
Убивъ Сереста його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадивъ съ кульбаки,
Ансуре въ адъ пославъ по раки,
А Луку пузо расплатавъ.

Якъ задававъ Эней затьору
Всімъ супостатамъ наказъ;
Якъ всіхъ каличивъ безъ розбору
И убывавъ по десять въ разъ:
Лигаръ зъ Лукулюмъ поспишають
И въ тарадайци напираютъ
Энея киньмы потоптать.
Но тутъ ихъ доля зла наспима,
И души сыхъ бративъ изъ тила
Пишли къ Плутону погулять.

Такъ нашъ Эней тутъ управлявся
И станъ свій чыстывъ одъ врагивъ;
Прогнавшы супостатъ, сблыжався
До, городка свого, валивъ.
Трояне вылазку зробывшы,
Латынянъ къ чорту протурывшы,
Зъ Энеемъ въ купу изійшлысь.
Здоровкалыся, обнималысь,
Роспытовалысь, циловалысь,
А де-яки пыть прынялысь.

Гуль якъ комендантъ исправный
Энееви лепортъ подавъ,
Якъ вѣйска ватажокъ начальный,
Про все дрибненько розказавъ.
Эней Гула выхваляе,
Потимъ до сердца прыжымае;
Цилуетъ люблязно въ уста.
Эней сердце трепетало,
Воно о сыни вищовало,
Що винъ надежда не пуста.

Въ се время Юпѣтеръ пидпывши,
Зъ нудыгы до жинкы пидмоцавсь
И морду на плече склонывшы,
Якъ блазень чмокавсь, та лызавсь;
Щобъ билше жъ угодыть коханци,
Сказавъ: «дывыся якъ Троянцы
«Одъ Турна вrostычь вси летять;
«Венера пасъ передъ тобою;
«Одъ неи краца ты собою,
«До тебе вси лапкы мостять.

«Мое безсмертые яруе,
«Роскошныхъ ласкъ твоихъ бажа;
«Тебе Олимпъ и свить шануе,
«Юпѣтеру ты госпожа;
«Захочъ, — и вродытся все зразу,
«Все въ свити ждеть твоего прыказу,
«За твій смачный и ласый цмокъ....»
Сказавшы стыснувъ такъ Юнону,
Що трохи не скотылысь съ трону,
А тилько Зевсъ набывъ высокъ.

Юнона, козырь молодыця,
Юпытеру не пиддалась;
Бо знала, що стара лысыця
На всяки штуку удалась,
Сказала: «о очей всихъ свите,
«Старый Олимпскій Езuite!
«Зъ медовыми ричмы сховайсь.
«Уже мене давно не любышъ,
«А тилько пьяный и голубышъ.
«Одсунься геть — не пидсыпайсь.

«Чого передо мной лукавышъ,
«Не дивочка я въ двадцать мить
«И теревенивени правышъ,
«Щобъ тилько заморочить свить.
«Нехай все буде по твоему;
«Дай тилько Турнови моему
«Хоть трохи на свити пожить:
«Щобъ мигъ винъ зъ батькомъ повидаться,
«И передъ смертию попрощаться;
«Нехай — не буду билишъ просить.»

Сказавшы въ Йовиша впиалася
И обняла за поперекъ,
И такъ натужно простяглася,
Що свить въ очахъ обохъ померкъ.
Розмьякъ Зевесъ якъ писля пару,
И выжлоктивъ пидпинка чару,
На все изволь Юнони давъ.
Юнона въ *котыка* зъ нымъ грала,
А въ *мышки* такъ залескотала,
Що ажъ Юпитерь задримавъ.

Олимпськіе во всяку пору
И гримъ пускающій ихъ панъ,
Ходылы голи безъ зазору,
Безъ сорома, на-кштальдъ цыганъ.
Юнона зъ неба увильнувши
И гола якъ долоня буеши,
По парубьячу одяглася;
Клыкнувшыжъ въ помичъ Асмодея,
Взяла на себе выдъ Энея,
До Турна просто понеслася.

Тогди пань Турнь зило гнивився
И прыступу къ соби не мавъ,
Що у Троянь не поживывся
И тьху Энееви не давъ.
Якъ-ось мара въ лыци Энея,
Въ керей бидного Сихея
Явямась Турна задырать;
«А ну лышь лыцарю мезерный,
«Злыденный, вытязю никчемный,
«Выходь столыхъ покуштовать.»

Турнь зыркь, — и бачыть предь собою
Присяжного своего врага,
Що такъ не гречи клыче къ бою
И явно въ трусы пострыга.
Осатанивъ и затрусывся,
Холоднымъ потомъ весь облився,
Одъ гниву сумно застогнавъ.
Наперь мару — мара вылае,
Эней одъ Турна утикае!!
И Турнь въ догонку поскакавъ.

Той не втече, сей не догонить,
Отъ тилько, тилько не вишпыгне;
Зыкратаго мечемъ супонить,
Та ба! мары не пидстѣобне.
«Та не втеченъ, крычить, панычу!
«Ось заразъ я тебе пидтычу,
«Се не въ куклы зъ Лавысей гратъ;
«Тебе я швидко повинчаю
«И воронивъ потишу стаю,
«Колы начнуть твій трупъ клювать.»

Мара Энеева прымчавшысь
До моря, де стоявъ байдакъ,
Ни трохи не останавлившысь,
(Щобъ показать великій лякъ.)
Стрыбнула въ нього, щобъ спастыся;
Тутъ безъ числа Турнь ослипвся,
Тудыжъ въ байдакъ и самъ стрыбнувъ,
Щобъ тамъ зъ Энея поглумыться,
Убыть його, мазкы наныться;
Тогдибъ Турнь первый льщарь бувъ!

Тутъ вмигъ байдакъ заворушився
И самъ одчальвши поплывъ;
А Турнъ скризъ бигавъ и храбрыся
И тишывсь, що врага настыгъ.
Таку Юнона злывши кулю,
Перевернувшись въ зозулю,
Махнула въ вырїй напростецъ.
Турнъ глядь, ажъ винъ уже средь моря,
Трохѣ не луснувъ зъ сердца—зъ горя,
Та мусивъ плыть, де живъ отецъ.

Юнона зъ Турномъ якъ шутила
Эней про тее ни гугу;
Бо на його туманъ пустыла,
Що бувъ невыдымъ ни кому;
И самъ никого тожъ не бачывъ,
Но послѣ якъ прозривъ, кулачывъ
Рутулянъ, и другихъ врагивъ:
Убивъ Лутага, Лавза, Орсу,
Пароену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багачько ватажкивъ.

Мезентій ватажокъ Тыррейскій
Одважно дуже підступивъ
И закрычавъ по бусурменски,
Що тилько панъ Эней и живъ!
«Выходь! крычыть, тычка подмимо,
«Никого въ помичъ не просимо,
«Годящи парни: ты—и я;
«А ну!» и сыльно такъ стовкнулись,
Що трохи вязы не звихнулись,
Мезентій же упавъ зъ коня.

Эней не мылуя чванливыхъ,
Въ Мезентія всадыгъ палашъ;
Духъ выскочивъ въ словахъ лайливыхъ,
Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утипався,
Со всимы добре частовався,
Олимпськымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи, та гулялы
И пьяни спаты полягали,
Эней бувъ пьяный еле живъ.

Уже свитовая зирница
Була на неби якъ пятакъ,
Або пшенишна варяница,
И небо рдилось мовъ макъ.
Эней Троянщивъ въ гурть сзывае
И смутнымъ видомъ объявляє,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялися дружно,
Братерски и единодушно
Троянъ убытыхъ зволикать.

Потимъ Мезентія доспихы
На пень высокій насадивъ,
И се робивъ не для потихы,
А Марса щобъ удоволывъ.
Шышакъ, панцырь и мечъ булатный,
Спысь съ прапоромъ, щыть дуже знатный;
И пень, мовъ лыщарь, въ збруи бувъ.
Тогди до вйська обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричъ таку имъ уджыгнувъ:

«Козацтво! лицари! Трояне!

«Храбруйте! наша, бачь, бере;

«Отсе опудало погане,

«Латынивь городь одипре.

«Но перше чимъ начнемъ мы бытысь,

«Для мертвыхъ треба потрудытысь,

«Зробыть ихъ душамъ упокой;

«Имення лицаривъ прославыть,

«Палланта къ батькови одправыть,

«Що наложывъ тутъ головой.

За сымъ пишовъ въ курины просторый,

Де трупъ царевыча лежавъ;

Надъ нымъ Аркадській *Пидкоморый*

Любыткомъ мухы обганявъ.

Трояньски плаксы тутъ рыдалы,

Якъ на завийныцю крычалы,

Эней зарюмавъ басомъ самъ:

«Га! гай! сказавъ, увьявъ мій гайстеръ!

«Якый то бувъ до бою майстеръ.

«Угодно, бачу, такъ богамъ!»

Звеливъ носылкы зъ верболозу,
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ ныхъ Палантъ Эвандривъ сынъ,
Вельможна, паньская персона
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абыякый харпакъ.
Жинкы покійныка обмылы,
Нове обрання наложымы,
Запхнулы за щоку пятакъ.

Якъ все уже було готово,
Тогди якыйсь ихъ фылозофъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и почухавъ лобъ;
Сказавъ:» Се мертвый и не дышетъ,
«Не выдытъ, то есть и не слышеть,
«Ей, Ей! увы! онъ мертвъ, аминь!»
Народъ видъ ричи улылься
И гирько — гирько прослезывся,
И мурмотавъ: паноче згынь.

Потимъ Палланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двирь;
Пидъ балдахыномъ положиы,
Эней тутъ убывавсь безъ мирь.
Накрывшы гарнымъ покрываломъ,
Лыбонь тымъ самымъ одіяломъ,
Що одъ Дидоны взявъ Эней;
Взмостылы войны на плечи
И помаленьку, постаречи
Неслы въ мистечко *Паллантей*.(*)

Якъ выбрались на чысте поле,
Эней зъ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ:» о жызнъ! бурлыве море,
«Хто цилый на тоби оставсь?
«Просты пріятелю любезный,
«Отдяду я за выдъ сей слезный
«И Турнь получить зъ барышкомъ.»
Потимъ Палланту уклонився,
Облобызавъ и прослезывся,
До дому почвалавъ тышкомъ.

(*) Паллантей, столица царя Эвандра.

Къ господи тилько що вернувся
Нашъ смутный лыцарь панъ Эней,
Уже въ прысинкахъ и наткнувся
На присланныхъ къ нему гостей:
Булы послы се одъ Латына,
И вси Ассесорьского чына,
Одынъ армейскій копытанъ;
Сей скризъ по свиту волочывся
И по Фрыгійську научывся,
Въ посольствѣ бувъ якъ драгоманъ.

Латынець старшій по породи
Къ Энею рацію начавъ,
И въ нашымъ значить переводѣ,
Буцимъ-то ось винъ що сказавъ:
«Не ворогъ, хто уже дубленный,
«Не супостатъ, чый трупъ никчемный
«На поли безъ души лежить.
«Позволь тѣмъ убытой раты,
«Якъ водытся, земли предаты;
«Нехай Князь мылость сю явить.»

Эней къ добру зѣ натуры склонный,

Сказавъ посламъ Латынськимъ такъ:

«Латынусъ рексѣ есть невгомонный,

«А Турнусъ пессимусъ дуракъ.

«И кваре воювать вамъ мекумъ?

«Латынуса быть нуто цекумъ,

«А васъ, сеньоресъ, безъ ума;

«Латынусу радъ пацемъ даре,

«Пермитто мертвыхъ поховаре,

«И злосты корамъ васъ нема.

«Одынъ есть Турнусъ ворогъ меусъ,

«Самъ ерго дебетъ воювать;

«Велятъ такъ фата, утѣ Энеусъ

«Вамъ буде Рексѣ, Аматн зять.

«Щобъ привести адъ финемъ беллюмъ,

«Мы зробымъ съ Турнусомъ дуеллюмъ,

«Про що всихъ сангеисъ прольвать?

«Чи Турнусъ буде, чи Энеусъ,

«Укажетъ глядіусъ, вель Деусъ

«Латынськимъ сцеттро управлять.

Латынськіє послы сзыркнулись,
По серцю имъ ся ричъ була;
Знечевья трохи схаменулись,
Дрансеса смилость тутъ взяла:
«О князю, крыкнувъ, пресловутый!
«Велькымъ ты родився буты!
«Мы все въ Латиновы уста
«Внесемъ, дрибнесенько розкажемъ
«И щиро, щиро те докажемъ,
«Що зъ Турномъ дружба есть пуста.»

И мировую тутъ зробылы
На тыждень, два, або и тры,
И въ договори положиылы,
Щобъ тесли и други майстры
Латынськи, помоглы Троянамъ,
Сымъ ланцямъ, голякамъ, прочанамъ
Достроить новый городокъ;
Щобъ нарубать далы сосныны,
Клынкивъ, дубкивъ и берестыны,
На кроквы годныхъ осычокъ.

За сымъ тутъ началось гуляння
И чарочка пишла кругомъ;
Росказы, смихы, обнимання,
Дилылысь дружно тютюномъ.
Яки пылы, яки трудылысь
И надъ убытымы возылысь;
Въ лисахъ же страшна стукотня.
Въ коротке мыровее время
Латынське и Троянське племя
Було, якъ блызкая ридня.

Теперь бы треба описаты
Эвандра батькивську печаль
И хлыпання все розказаты,
И крыкъ, и охання, и жаль.
Та-ба! не всякій такъ змудруе,
Якъ самъ Выргыйй намалое,
А я жъ до жалу не мастакъ:
Я слизь и охання боюся
И самъ виколы не журюся;
Нехай соби се пиде такъ.

Якъ тилько свитова зирныця
На неби зачала моргать,
То вся Трояньская станыця
Взялася мертвыхъ зволикать.
Эней зъ Трахономъ розыйнжжае,
Къ трудамъ дружину понуждае,
Кладуть изъ мертвыхъ тиль костры!
Соломой ихъ обволикають,
Олію зъ дьогтемъ поливають
На всякій зрубъ, разивъ по тры.

Потимъ солому пидпалылы
И пламя трупы обняло,
И вичну пам'ять заквымылы,
Ажъ сумно слухаты було.
Тутъ кость и плоть, и жырь шкварчалы,
Тутъ ынчи смалець источалы,
У ынчихъ репався живить;
Смрадъ, чадъ и дымъ кругомъ носылысь,
Жерци найбилше тутъ трудылысь,
Пзконебе хаптурный ридь.

Другы, товарищи и кривни,
Батькы, сыны, кумы, сваты,
На вины вични незабвенни,
А може хто изъ суеты,
Въ огонь шпурлямы ризну зборую,
Одежу, обувъ дорожую,
Шабли, лядункы, келепы,
Шапки, свѣтки, кульбаки, трокы,
Онучи, постолы, волѣкы
Шпурлялись, якъ на тикъ снопы.

Не тилько въ поли такъ робылось,
Въ Лавренти сумно тожъ було;
Багацько трупа тамъ палылось,
Поспультвожь на-чимъ-свить ревлю.
Тамъ батько сына парубѣйку
Опмаковавъ и клявъ злодѣйку
Вѣину и ветхого царя;
Тутъ дивка вельмы убывалась,
Що безъ винця вдовой осталась,
Утратившы багатыря.

Жинкы, пороспускавши косы,
 Росхристани и безъ свытокъ,
 Рострьопани, простоволосы
 Галасовалы на весь ротъ.
 По мертвыхъ жалибно крычали,
 По грудяхъ былыся, стогналы,
 Латыниѣ проклиналы рядъ;
 Про Турнажъ вси крычали сміло,
 Що за свое любовне діло,
 Погубить даромъ весь народъ.

Дрансесъ на Турна тугъ доноситьъ,
 Що Турнъ всѣмъ гибелямъ выча;
 Эней на бой його льшь проситьъ,
 И такъ бы й кончылась війна.
 Но и у Турна бувъ сутяга,
 Брехунъ, юриста, крюкъ, пидтяга,
 И діло Турна захищавъ;
 Та и Аматыни пролазы
 Пускалы розные розказы,
 Щобъ Турнъ ни въ чимъ не уважавъ.

Якъ-ось одъ хана Діомыда
Латыновы прыйшли послы
И, изъ охлявшого ихъ выда,
Не видно, радистъ щобъ несмы.
Латынъ вельможамъ зъ старшыною
Вельитъ явытысь предъ собою,
Що все и сталося якъ разъ;
Посливъ клыкнумы до громады
И выполнывшы вси обряды,
Латынъ прорекъ такый прыказъ:

«Скажы Венуле не жахливый
«Всю хана Діомыда ричъ,
«Здається бувъ ты не брехливый,
«Такымъ тебе зна наша Сичъ. —»
«Пиднижокъ твій я и пидданецъ,
«Изъ слугъ твоихъ послідній ланецъ,
Сказавъ Венуль,» не погнивысь!
(«Мужыча правда есть колюча,
«А панська на вси боки гнуча,
«И ханъ сказавъ такъ, не сумнысь:

«Не зъ мордою Латына бытысь
«Протывъ Трояньскихъ розбышакъ;
«Вамъ требабъ перше прыдывытысь,
«Якый-то есть Эней козакъ.
«Пидъ Троею винъ дався знаты
«Намъ всимъ, якъ взявся ратоваты
«Богивъ домашнихъ и ридню.
«Винъ батька спасъ въ злу саму пору,
«На плечихъ знисъ на Иду гору,
«Сього не майте за бридню.

«Протывъ Энея не храбруйте,
«Для насъ здається винъ святымъ;
«И такъ Латыну ростолкуйте,
«Щобъ лучше помырився зъ нымъ.
«Гай! гай! де диты есть такіи,
«Щобъ кудри батьковы сиди,
«Найвыще ставымы всего?
«Не ворогъ я царю Латыну;
«Но чту Анхызову дѣтину
«И не иду протывъ його.

«Пронцайте домини Латынці!

«Поклонѣ мій вашому царю;

«Возьмѣть назадъ свои гостынці,

«Одправте ихъ къ багатырю

«Энею и просить покою.»

Венуль утерся тутъ рукою

И ричи сій зробывъ кинецъ.

Збентежыла ся ричъ Латына,

Здавалось близька зла година;

На лысыни трусывсь винецъ.

Латынь одъ думкы схаменувся,

Олимпськымъ трохы помолывсь;

Наморщывсь, сентябрьомъ надувся

И смутно на вельможъ дывывсь.

«А що? сказавъ, чи пожывылысь?

«Отъ зъ Діомыдомъ вы носылысь,

«А винъ вамъ фыгу показавъ;

«Заздалегидь булю змовлятысь,

«Якъ съ панъ Энеемъ управлятысь,

«Поки лапокъ не рознкавъ.

«Теперь не приберу билшь глузду,
«Якъ тутъ сыхъ поселить прочанъ;
«Земли шматокъ есть не пиднужку,
«То имъ зъ угодыаы отдамъ.
«Отдамъ нывья и синокосы,
«И рыболовни Тыбрськи косы,
«То буде намъ Эней сусидъ;
«Кольжъ не схоче винъ остаться,
«А пустытсѣ ище таскаться,
«То всежъ избавымся одъ бидъ.

«А щобъ зъ Энеемъ ладъ зробыты,
«Пошлю посливъ десяткивъ пять;
«И мушу дары одрадыты,
«Дыковынкы колыбъ достать:
«Павыдла, сала, осятрыны,
«Шалевый поясъ и люстрыны,
«Щобъ къ празвыку пошывъ каптанъ,
«Сапьянци изъ *Торжка* новеньки,
«Мальованыи потыбеньки.
«А нуте! якъ здается вамъ?»

Дрансесь бувъ дывный говоруха,
И Турнови бувъ врагъ лыхый,
Встае, усъ гладить, въ носи чуха,
Дае отвить царю такый:
«Латыне свитлый, знаменытый,
«Твоимы медъ устами пыты!
«Всякъ тягне въ серци за тебе;
«Но одизватися не сміють,
«Сыдять, мовчать, сопуть, попіють
«И всякъ мизкуе про себе.

«Нехай же та лычына люта,
«Що насъ впровадыла въ войну
«И ганьбою до всехъ надута,
«Походить билшъ на сатану!
«Що стільки боли прычыныла,
«Що стільки люду погубыла,
«А въ смутный часъ на втикача!
«Нехай лишь Турнь, що верховодить
«И всехъ панивъ за кырны водить,
«Зъ Энеемъ поривня плечя.

«Нехай оставить насъ въ свободѣ,
«Нехай царивни дать покой;
«Нехай живе въ свойъ господѣ,
«А щобъ въ Латию ни погой.
«А ты Латыне, всихъ благійшій,
«Прыбавъ Энею даръ смачнійшій:
«Йому Лавынію отдай.
«Сымъ сватовствомъ намъ мыръ даруешь
«И царства раны уратуешь;
«Дочцижъ зъ Энеемъ буде рай.

«Тебежъ прошу я пане Турне!
«Покынь къ Лавыніи любовь
«И проясны чоло нахмурне,
«Щады Латынську нашу кровь.
«Эней тебе лишь вызывае,
«А насъ Латынцевъ не займае,
«Иды зъ Троянцемъ потягайсь!
«Жолы ты храбрый не словами,
«Такъ докажи намъ те диламы,
«Побыть Энея постарайсь.»

Одъ ричи сей Турнъ розъярився,
Якъ втопленныкъ посынивъ весь;
Дрыжалы губы, самъ дровичься,
Зубамы клацавъ, мовъ бы песь,
Сказавъ: «О стара пустомеля!
«Яхыдствъ и каверзъ всихъ оселя,
«И ты тхоромъ мене зовешъ!
«И небыльщи вымышляешъ,
«Народъ лукаво весь лякаешъ,
«На менежъ чортъ зна що плетешъ,

«Що буцимъ хочу я одтяты
«Головку лысую твою;
«Та згынь! — не хочу покаляты
«Честь багатырськую свою.
«А ты Латыне мылостывый,
«Жолы такый ставъ полохливый,
«Що и за царствомъ байдуже?
«Такъ лизьте жъ до Энея ракомъ,
«Плазуйте передъ сымъ Троякомъ,
«Винъ мыръ вамъ славный устрыже.

«Колыжъ до мыра я помиха,
«Колы Эней мене бажа
«И смерть моя вамъ есть потиха;
«Моя душа не есть чужа;
«Одъ храбросты и одъ надїи,
«Иду де ждуть мене злодїи,
«Иду и бьюся зъ втикачемъ!
«Нехай хоть стане винъ *Бовою*,
«Не наляка мене собою,
«Помиряюсь зъ його плечемъ.»

Колы въ конгресси такъ тягались,
Эней къ Лавренту підступавъ;
На штурмъ Троянцы шыковались,
До бою всякій ажъ дрыжавъ.
Латынь таку почувъ новынку,
Злякавсь, пустывъ изъ рота слынку
И вся здрыгнула старшына.
«Отъ вамъ и мырѣ» сказавъ Турнъ лютий.
И не терявши ни минути,
Предъ вїйськомъ опынївсь якъ на!

Опять наставъ гармидерь, лыхо;
Народъ якъ червь заворушивсь.
То вси крычать, то шепчуть тихо,
Хто лаявся, а хто моливсь.
Опять вѣйна и ризаныа,
Опять беда гѣе въ сукъ Латына,
Сердешный каявсь одъ души,
Що тестемъ не зробывсь Энею,
И послибъ зъ мырною душею,
Лыгавъ потапци и кнѣпци.

Тураъ мытыю нарядывся въ збрую,
Летыгъ, щобъ потрошыть Троянъ;
И розъяривъ дружину злую,
Побыть Энеевыхъ прочанъ.
Прыскочывъ перше до Камымы,
Якъ огиръ добрый до кобымы,
И стагъ йий заразъ толковать:
Куды йий зъ вѣйськомъ напираты;
Мессапъ же мусить пидкрепляты
Царыци сей прокляту рать.

Роспорядившы Турнъ якъ треба,
Махнувъ, засаду щобъ зробить,
На гору, що торкалась неба
И щобъ Фрыгійщивъ окружить.
Эней построивъ тожъ отряды,
Де всимъ назначивъ для осады
Безъ одступу на валь итты.
Идутъ зимкнувшысь мицно, тисно,
Идутъ, щобъ побидить поспинно,
Або щобъ трупомъ полягты.

Троянцы сильно наступали
И тыснули своихъ врагивъ,
Не разъ Латынцевъ проганяли
До самыхъ городськихъ валивъ.
Латынцы также оправлялись
И одъ Троянцевъ одбывались,
Одынъ другого товкъ на прахъ;
Тутъ ихъ чыновныкы тузылись,
Якъ шивни за гребни возылись;
Товклись кулаччамъ по зубахъ.

Но якъ Арунть убывъ Камышу,
Тогда Латынцевъ жахъ напавъ;
Утратымы и духъ, и сылу,
Побиглы хто куды понавъ.
Троянцы зъ биглымы эмишались,
Надъ ихъ плечами забавлялись
И задавали всимъ столыхъ.
Ворота въ баштахъ зашпиралы,
Своихъ ховатысь не пускалы,
Бо напустылыобъ и чужыхъ.

Якъ висть така прыйшла до Турна,
То такъ мерзено изкрывывсь,
Що тварь зробылась печепурна
И косо, зашморгомъ дывывсь.
Потимъ яруе одъ досады,
Выводить вѣйсько изъ засады
И гору покида, и лисъ;
И тилько-що спустывсь въ долину,
То въ туюжъ самую годину
Уздривъ Энеевыхъ гульвись.

Пизнавъ панъ Турнъ пана Энея,
А Турна тожъ Эней пизнавъ;
Вспалалы духомъ Асмодея,
Одынъ другогобъ розидравъ;
Не обійшлося бѣ тутъ безъ бою,
Колыбъ панъ Фебъ, одъ перепною,
Заранше въ воду не зализъ
И не пославъ на землю noci;
Тутъ всихъ до сна стумлысь очи
И всякъ укладся горлоризъ.

Турнъ облызня въ бою піймавшы,
Зубамы зсерця скрыготавъ;
Одъ дуру що робыть не знавшы,
Латыну зъ злостью сказавъ:
«Нехай злыденные прочаны,
«Задрьпанци твои Трояны,
«Нехай своихъ держатся словъ!
«Иду зъ Энеемъ поштурхаться,
«Въ моихъ проступкахъ оправдаться:
«Убыть — и околить готовъ.

«Пошлю Энея до Плутона,
«Або и самъ въ адъ копырсну;
«Уже мии жызнъ и такъ солона!
«Отдай Энею нависну..... (*)
«Гай, гай! Латынъ тутъ обизвався:
«Чого ты такъ розлютовався?
«Щожъ буде, якъ розсержусь я?
«Уже минн брехаты стыдно;
«А потанть—богамъ обыдно;
«Святая правда дорога!

«Послухай же судьбы есть воля,
«Щобъ я дочки не отдававъ
«За земляка, а то зла доля
«Насяде, хто злама уставъ.
«Мене Амата ублагала
«И такъ боки натасовала,
«Що я Энею одказавъ.
«Теперь самъ мусишь мирковаты,
«Чи треба жыть, чи умираты;
«А лучше, якъ бы въ умъ ты взявъ

(*) Нависна, дѣвка, которую многимъ женихамъ навязываютъ.

«И занедбавъ мою Лависю;
«Чи трохи въ свити панночокъ?
«Ну взявъ бы *Муньку*, або *Присю*,
«Шатнувся то въ сей, то въ той кутокъ:
«Въ *Ивашки*, *Мыльци*, *Пушкарикву*,
«И въ *Будыща*, и въ *Горбанивку*, (*)
«Теперь дивчать хотъ гать гаты;
«Теперь на сей товаръ не скудно
«И замужню украсть не трудно,
«Абы по порову найты.»

На слово се прийшла *Амата*
И заразъ въ *Турна* и впиьлась;
Лобзала въ губы стратылата
И одъ плачу надъ нымъ тряслась.
«Въ напастъ, сказала, не вдавайся,
«И бытыся не поспишайся,
«Якъ луснешъ ты, то згыну я;
«Безъ тебе насъ богы покынуть,
«*Латынці* и *Рутульці* згынуть
«И пропаде дочка моя.»

(*) Селенія въ окрѣжности *Полтавы*.

Но Турнѣ на се не уважае
И байдуже ни слѣозъ, ни словъ;
Гинця къ Энею посилае,
Щобъ бытысь завтра бувъ готовъ.
Эней и самъ трусывсь до бою,
Щобъ сыльною своею рукою
Головку Турну одчесать.
А щобъ повирѣть Турна слову,
Тожъ посля зробить умову,
Якъ завтра выставлять рать.

На завтра тилько-що свитало,
Уже народъ заворушывсь;
Все вешталося, все кышало,
На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мижовщыкы тамъ розмирялы,
Килочкы въ землю забывалы,
На знакъ де вѣйськови стоять.
Жреци молитвы зачиталы,
Олимпськымъ въ жертву убывалы
Цапигъ, баранивъ, поросять.